

Грамота № 550 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 167, на глубине 2,72 м, в ярусах 14—15 Черницыной улицы. Это целое письмо:

†поклананне ѿ Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвилъ
 а толико мнѣ мати скота, боле же за мнѣ
 не поустити. А въжники творатеса въ давоше Собыславу
 цетыри гривне. А посылщенихо коуно 5
 гривно. А Готиль съ мною боудѣть. А дороганици ти шли
 въ городо. . .

Длина 28,7 см, ширина 5 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в. Все палеографические признаки соответствуют этому времени. Петли В, Ъ, Ы, Ь имеют геометрические очертания. У буквы В нижняя часть в ряде случаев больше верхней, что указывает на последнюю четверть XII в., но иногда верхняя и нижняя половины этой буквы еще равновелики. Ять уместается в строке: это признак XI—XII вв.

В конце четвертой строки после «гри» была написана, но затем зачеркнута буква Н.

Грамота может быть разделена на слова так:

†Поклананне ѿ Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвилъ: толико мнѣ мати скота, боле же за мнѣ скота не поустити. А въжники творатеса въ давоше Собыславу цетыри гривне. А посылщенихо коуно 5 гривно. А Готиль съ мною боудѣть. А дороганици ти шли въ городо.

«Поклананне ѿ Петра к Аврамоу» — поклон от Петра к Авраму. «Матьеви еси молвилъ» — ты сказал Матею. «Толико мнѣ мати скота» — только мне брать деньги. Архаичный термин «скот» в значении денег употребляется еще в конце XII в., он зафиксирован в договорной грамоте Новгорода с немцами, составленной в указанное время: «Оже мати скот варягу на русине или русину на варязе. . .»²².

«Боле же за мнѣ скота не поустити». Предлог «за» употреблен здесь в значении «вместо», отмеченном в словаре Срезневского. «Пустити» — отдать, отослать. В статье 55 Пространной редакции Русской Правды «О долзе» говорится, в частности: «Аже кто многим должен будеть, а пришед гость из иного города или чужеземець, а не ведая запустити за нь товар. . .» Комментируемая фраза грамоты № 550 в целом может быть переведена так: а больше вместо меня (т. е. помимо меня) денег не отсылай. Вместе с предыдущей она образует цельную симметричную конструкцию («толико. . .», «боле же»), подразумевающую: поскольку только мне надлежит собирать деньги, постольку ты помимо меня денег не отсылай.

Петр собирает где-то «посылщенихо куны». Слово «поселение» означает поселение, селение, деревню. «Посельником», или «посельским», в более позднее время назывался управитель вотчины, собиравший «посельничий», или «посельнический», доход (поземельный налог, «позем») в пользу владельца земли. Скорее всего, именно подобные доходы и следует понимать под «поселищными кунами», общая сумма которых, собранная или определенная Петром, равна 15 гривнам. Однако это или не все деньги, которые было положено собрать, или же часть их он не имеет возможности собрать: «а въжники творатеса въ давоше Собыславу цетыри гривне». «Творитися» — делать вид, являть себя (см. словарь Срезневского). Смысловой перевод фразы: а вежники утверждают, что они якобы уже отдали Сбыславу четыре гривны. Отсюда и недовольное напоминание Петра: «Еси молвилъ, толико мнѣ мати скота».

Имя Сбыслав было широко распространено в древней Руси. В Новгороде в 1194 г. известен Сбыслав (Сбышко) Волосович, убитый вместе с Моиславом Поповичем при возвращении из похода на Югру; в 1215—1217 гг. — боярин Сбыслав Степанович; в 1229 г. — боярин Сбыслав Якунович, а также в 1200 г. — Гюргъ Събышкиниѣ и в 1208 г. — Олекса Сбыславич (см. словарь Тупикова). Это имя встречено в новгородских берестяных грамотах № 407 и 409 конца XIII в. и в старорусской берестяной грамоте № 9 первой половины XII в.

²² ГВНП, с. 56, № 28.

«А Готиль съ мною боудеть» — а Готил со мною будет, — сообщает далее Петр. «А дороганици ти шли въ город»: а дороганичей шли в город (или: а дороганичи пошли — ушли — в город). Еще до истолкования слов «въжники» и «дороганици» можно констатировать, что ни Петр, ни Сбыслав, ни Готил, ни Матей, ни Аврам — не управители вотчины. Сбор доходов за право жить на земле осуществляется там, откуда пишет Петр, наездами. Если бы этим занимался староста, то его действия были бы единоличны и не возникло бы ситуации, при которой «въжники» имели бы возможность утверждать, что они якобы уже уплатили следующие с них деньги другому человеку. Следовательно, названные выше сборщики могут быть только посланными из Новгорода государственными чиновниками, имевшими дело не с частной вотчиной, где доходы собирались хорошо известными крестьянам волостелями, а с черными волостями.

Существенный результат получается при осмыслении терминов «въжники» и «дороганици». Очевидно, что по крайней мере в последнем случае мы имеем дело с наименованием жителей какой-то местности или села. Писцовые книги знают топонимы и гидронимы Дороган, Дорогоня, Дорогани, Дороганица в разных районах Новгородской земли, в том числе и деревню Дрогини или Драгани в Карачунском погосте Шелонской пятины. Обращаю особое внимание именно на этот последний пункт, поскольку в найденной на том же Троицком раскопе и публикуемой ниже грамоте № 568, как увидим, фигурируют в качестве податных единиц села Карачунского погоста.

Более трудным оказывается слово «въжники». Его можно было бы переводить как «знающие», производя от «ведати» — знать, однако такая форма в древних текстах не встречена, а в рассматриваемом контексте она была бы и неконкретна. В словаре Даля отмечен ряд значений слова «вежа», связанных с рыбной ловлей: устройство для рыбной ловли; гвардия для дозора пдущей рыбы, либо тоня, ватага с шалашами на берегу; сидейка, шалаш над прорубью для ловли рыбы на блесну. Еще З. Ходаковский отметил в новгородском диалекте слова «вежа» в значении артели рыбаков на Ильмене, состоящей из 16 человек ²³. Вряд ли здесь подходит и такое толкование. В указанной местности, если предполагаемая локализация правильна, не было крупных водоемов, рыболовство в которых должно быть артельным. Поэтому более перспективным представляется видеть в слове «въжники» обозначение жителей определенной деревни. Поскольку в писцовых книгах подобной деревни нет, обратимся к созвучным наименованиям.

В Болчинском погосте, который во времена новгородской независимости составлял единое целое с Карачунским погостом, имеется деревня Межники, расположенная на речке Смиренке, притоке Шелони ²⁴. В конце самостоятельности Новгорода эта деревня принадлежала некоему Остафию Болчинскому ²⁵. Между тем, по данным писцовой книги 1576 г., деревня Драгани, о которой речь идет в той же грамоте, принадлежала Денисию Евреву — потомку московского помещика конца XV в. Мити Евреева Меньшого. Однако, согласно перечневой книге, Митя Евреев получил в поместье земли сведенных новгородцев Ивана Горбанова, Федора Жоравкова, Юрки Гаврилова и Семена — зятя Остафия Болчинского ²⁶. Логично думать, что и Межники, и Драгани, отданные им зятю Семену в приданое за дочь, были единовременной покупкой Остафия Болчинского или его предков из одного фонда черных земель.

Предполагаемое отождествление «въжники» и «межники» может оказаться и не вполне правомерным. Возможен и другой вариант истолкования: в том же Болчинском погосте известна деревня Вязье (Везье, Вежье), бывшая перед новгородским выводом за владыкой, т. е. входившая в фонд черных земель ²⁷.

²³ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород. — В кн.: Русский исторический сборник. М., 1839, т. III, кн. 2, с. 197.

²⁴ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. М., 1914, с. 345.

²⁵ НПК, т. 4, стб. 160.

²⁶ НПК, т. 5, стб. 68.

²⁷ НПК, т. 4, стб. 160.